

На малость заснеженных улицах Парижа вечер был освещен множеством больших и ярких фонарей. От людей, создававших городскую суету, осталась только четверть. Я шла по полностью истоптанным остаткам снега в городе. Было даже жаль, ведь не факт, что снег выпадет ещё этой зимой: уже близилось к середине февраля. Следы от обуви придавали снегу коричневатый оттенок, другими словами, снег был грязным, казался грустным и будто был живым, способным на эмоции и чувства. Окружение меня совершенно не волновало, я никогда не находила в современном обществе что-то интересное, поэтому почти все свои дни проводила дома, играя в видео-игры, жанрами которых чаще всего были ужасы, боевики или что-то в этом духе. Таких людей, одиноких и закрытых, подобных мне, многие недолюбливали, но у нас всегда были свои преимущества, по большей части заключающиеся, как бы высокомерно это не звучало, в наличии богатого внутреннего мира.

До дома оставалось чуть меньше километра, ноги словно сопротивлялись мне, кричали о желании отдохнуть, перестать двигаться. Всю дорогу я мысленно ворчала на окружение, но вскоре мои мысли перебил звук плача, такого жалобного, как обычно бывает у детей, потерявшихся среди большой озверевшей толпы на улице. Я подошла ближе и заметила, что плакал не маленький ребенок, а парень, даже довольно взрослый, примерно моего возраста — 17-18 лет. Он был укутан в теплый синий шарфик и сидел на ступеньке одного из типичных городских магазинов. Я подошла ещё ближе и начала смотреть на него в упор, а после все же спросила: «Эй, ты чего плачешь?» Он поднял на меня взгляд, но на его лице не осталось ни слезинки, словно он и не плакал вовсе. Парень глупо и непонимающе мигал своими голубыми глазами, а спустя несколько секунд встал и улыбнулся мне так загадочно, что даже я, привыкшая к безэмоциональному образу жизни, очень удивилась. Голубоглазый лишь убедил меня, что все в порядке и быстро смылся. Блеск его темно-каштановых волос остался в голове, но я понимала, что подобный интерес для меня всегда временный, да и в данном случае он оказался вынужденным. С этими мыслями я продолжила свой путь.

— Не стоило останавливаться.

Утром я отправилась на подработку, как и всегда. Я подрабатывала в небольшом, но уютном ресторанчике. И нет, конечно же нет, я не работала с клиентами, а всего лишь мыла посуду, но зарплата была хорошая, по крайней мере, мне хватало на личные продовольствия. В процессе работы я вспомнила о плачущем парне и мысленно подметила, что его кожа выглядела безумно бледной. Стоило предположить, что он очень мало ел, но какое мне было до него дело? Оставался всего час до конца рабочего дня, после чего я снова могла вернуться в свою любимую квартиру.

Жила я одна. Когда мне было 16, родители переехали жить в Германию, оставив мне 3-х комнатную квартиру и немного денег, которые я довольно быстро потратила. Обеспечивать себя было довольно просто, зато существовали другие сложности: однообразное времяпровождение, быстро заканчивающиеся деньги. Но это было в целом лучше жизни многих моих сверстников: вот так я считала.

После тяжелого дня я вновь вернулась домой и, первым делом, с грохотом завалилась на диван, закрыв глаза. В уши отдавали тихие голоса из телевизора, но я даже не могла разобрать слов оттуда, а потом вдруг поняла, что вовсе и не включала телевизор. Я открыла глаза и ужаснулась. Передо мной стоял тот самый вчерашний парень, глупо улыбаясь и касаясь зубами своего синего шарфа.

— Привет, — сказал он. — Ты чего такая уставшая?

По телу пробежала лёгкая дрожь, зрачки глаз увеличились от страха, но это всё я почувствовала моментально, потому что в жизни особо ничего не боялась, ведь считала, пусть это и выглядит смешно, что страшнее её самой у меня быть не может. Если уточнять, я вообще надеялась, что этот парень — маньяк, который подстроил встречу, преследовал меня и все это время намеревался убить. Я улыбнулась юноше и встала со своего большого кожаного, но до безумия мягкого дивана ядовито-красного цвета, задумавшись о том, как он мог проникнуть в мою квартиру.

— День был трудным. — Быстро пробубнила я в ответ и прошла на кухню, помахав рукой, как обычно машут, когда хотят позвать вслед за собой.

Через несколько минут я уже сидела за столом вместе с парнем, которого звали Дариан, как уже успела узнать. Чай я налила нам обоим, но юноша даже не притронулся к нему, в то время как моя кружка была уже полностью пуста. Мы говорили о жизни, словно были вечность знакомы. Это даже казалось странным, ведь до Дариана я ни с кем так серьёзно не разговаривала, разве что с родителями в своем детстве и с парой первых школьных «подруг». Но даже с ними в таком возрасте разве я могла говорить о чём-то действительно серьёзном? Терять было нечего, я рассказала ему очень много, при этом не раскрывая секретов глубины моей личности: рассказала про образ жизни, немного про одиночество, про родителей, а под конец и про отношение к миру и людям. Парень молчал, пока я говорила, полностью вслушиваясь в каждое мое слово, а после моего монолога приступил к своему:

— Я во многом тебя понимаю, — начал он, а я же в это время притворно изобразила из себя великого слушателя, вылупив глаза. — Давно не общался с людьми. Если пытался разговаривать — никто не слушал, ну или не хотел слышать. В этом, наверное, вся ирония. Да и искренности мало, я убедился в этом ещё давно. — Дариан резко прервался, а мой притворный интерес превратился в живой. Что-то в словах этого голубоглазого юноши меня зацепило, ведь он понимал мои взгляды. Но я не могла полностью довериться ему, потому что вообще не привыкла и не видела причин доверять кому-то.

Вскоре Дариан исчез, оставив после себя только атмосферу нашего разговора, в перемешку ассоциирующуюся с пониманием и странной пустотой. Все время он говорил так, словно уже прожил свою жизнь и ему оставалось лишь ворчать остатки своих дней, как пожилой и вредный старик. Но из головы я его быстро выкинула и, выдохнув, взяла свое банное полотенце, а затем направилась в душ.

<http://tl.rulate.ru/book/27925/585838>